
П. Н. ГОРДЕЕВ

**ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА П. М. ВОЛКОНСКОГО
И А. А. ЗАКРЕВСКОГО КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

В Российском государственном историческом архиве, в фонде видного деятеля александровской и николаевской эпох графа Арсения Андреевича Закревского (Ф. 660) сохранилась обширная переписка фондообразователя с князем Петром Михайловичем Волконским, игравшим в упомянутое время не менее важную роль. Если А. А. Закревский (1783 (1786)–1865) в разное время занимал посты дежурного генерала Главного штаба, финляндского генерал-губернатора, министра внутренних дел, генерал-губернатора Москвы, то П. М. Волконский (1776–1852) был и начальником Главного штаба, и министром императорского двора¹. Кроме того, Волконский являлся ближайшим другом и сподвижником Александра I, участником многих важнейших событий его царствования. Таким образом, переписка этих двух деятелей представляет несомненный интерес для исследователей, изучающих историю России первой половины XIX столетия.

Хотя, согласно листам использования документов, с середины XX в. и до наших дней с той или иной частью переписки П. М. Волконского и А. А. Закревского ознакомились, просмотрели и (или) сделали выписки более трех десятков исследователей, тем не менее до сих пор нет специальной работы, посвященной данному источнику в целом; а он, учитывая

¹ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 : биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 134–137, 246–249.

высокое положение корреспондентов, значительную степень их участия в политической жизни эпохи и обширность самой переписки, несомненно того заслуживает. В качестве такой работы и задумана настоящая статья.

Вся переписка сосредоточена в семи делах первой описи фонда А. А. Закревского: д. 32, 93, 94, 95 содержат в общей сложности 83 письма Закревского к Волконскому, из них 25 подлинных писем и 58 копий, сделанных писарской рукой, вероятно, по распоряжению А. А. Закревского. Подлинники были переданы Закревскому «от Апекуна² Кн. Дм. Петровича Волконского³ после его смерти Господином Свербеевым⁴ 21-го марта 1860-го в Москве». Несмотря на то, что со времени написания этих писем прошло четыре десятилетия, А. А. Закревский их бережно сохранил и собственноручно приписал, где и при каких обстоятельствах они были им получены⁵.

Поскольку 25 писем (подлинники и копии) дублируют друг друга, оригинальных писем всего 58. Кроме того, восемь черновиков ответных писем Закревского Волконскому содержатся среди писем последнего в составе д. 104.

В д. 102, 103, 104, а также в составе д. 29 того же фонда (Ф. 660) хранятся письма П. М. Волконского А. А. Закревскому (подлинники). Всего писем Волконского (считая и небольшие по объему записки) — 185.

Таким образом, общее количество писем и черновиков обоих корреспондентов — 251, общий листаж (вместе с документальными приложениями к письмам — отчетами, рапортами и т. д.) — 743 листа.

Необходимо отметить, что значительная часть архива А. А. Закревского (в том числе переписка его с П. М. Волконским) уже была опубликована в XIX столетии. По свидетельству зятя Арсения Андреевича — князя Д. В. Друцкого-Соколинского, Закревский на склоне лет планировал начать с его помощью работу над воспоминаниями и для того передал Друцкому-Соколинскому в сентябре 1864 г. «целый сундук писем и бумаг

² Здесь и далее орфография и пунктуация оригиналов писем сохранена (в случае, если цитата приводится по публикации Н. Ф. Дубровина, сохраняется орфография и пунктуация данной публикации).

³ Сына П. М. Волконского.

⁴ Это мог быть Дмитрий Николаевич Свербеев — двоюродный брат жены Д. П. Волконского и известный мемуарист или его сын Николай Дмитриевич Свербеев — они оба в качестве опекунов Д. П. Волконского упоминаются в письмах его матери, С. Г. Волконской (РО ИРЛИ РАН. Ф. 57 (Архив С. Г. и М. Н. Волконских). Оп. 4. Ед. хр. 118. Л. 9–9 об., 37–38). О семье Свербеевых см.: Энциклопедический словарь : репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон 1890 г. : в 82 т. + 4 доп. т. М., 1992. Т. 57. С. 99.

⁵ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 94. Л. 1, 59. К сожалению, П. М. Волконский и его потомки не были столь же внимательными и пунктуальными — в фонде Волконских в РГИА (Ф. 844) писем Закревского нет.

всякого рода, которые накопились у него за всю жизнь». Последовавшая через несколько месяцев смерть престарелого графа помешала этим планам осуществиться⁶.

В свою очередь, Д. В. Друцкой-Соколинский, храня поистине бесценные документы четверть века, поднес их в 1889 г. Александру III. Императору «угодно было возложить рассмотрение этих бумаг на председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова, с тем чтобы те из них, которые представляют интерес и не появлялись еще в печати, были помещены на страницах Сборника»⁷. В итоге архив Закревского был издан в двух томах (т. 73 сборника РИО в 1890 г. и т. 78 в 1891 г.) под редакцией одного из крупнейших знатоков русской истории первой половины XIX в. Н. Ф. Дубровина. Увидели свет десятки писем к Закревскому А. П. Ермолова, Ф. В. Ростопчина, М. С. Воронцова, Д. В. Давыдова, И. В. Сабанеева, П. Д. Киселева, К. Я. Булгакова, А. С. Меншикова, А. Ф. Орлова, И. В. Васильчикова, А. И. Чернышева. Были опубликованы (в т. 73) и письма П. М. Волконского к Закревскому, а также ответные письма Арсения Андреевича.

Публикация, осуществленная Н. Ф. Дубровиным, имела свои особенности. Во-первых, какие-либо комментарии к эпистолярному наследию А. А. Закревского и П. М. Волконского (а равно и других лиц, писавших к Закревскому) отсутствовали. Во-вторых, было издано всего 136 писем (т. е. немногим более половины от их общего числа), в том числе 93 письма П. М. Волконского к А. А. Закревскому и 43 письма А. А. Закревского к П. М. Волконскому, — таким образом, говорить об исчерпывающей полноте издания не приходится. В-третьих, хотя издатель, вероятно, руководствовался идеей представить на суд публики прежде всего наиболее интересную часть переписки, содержащую сведения о важных исторических событиях, существовавшие цензурные условия не всегда ему это позволяли. В первую очередь, к печати не допускались критические отзывы в адрес членов императорской фамилии. Например, в письме П. М. Волконского А. А. Закревскому от 4 ноября 1820 г., посвященном так называемой «Семеновской истории», после слов «Из всего дела вижу, что несчастье сего полка произошло от того, что Бенкендорф потерялся при первом допросе» в сборнике РИО поставлено многоточие, а в оригинале следует: «а Его Высочество (великий князь Михаил Павлович. — П. Г.) по молодости и по неумению обращаться с солдатами худо взялись»⁸. В письме от 12 декабря того же 1820 г. Волконский советуе

⁶ Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского, составленная князем Д. В. Друцким-Соколинским // Сборник РИО. 1890. Т. 73. С. 1.

⁷ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Там же. [Б. с.] (цитируемый текст помещен в виде небольшой заметки после оглавления тома).

⁸ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 103. Л. 1 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 22.

Закревскому: ««Весьма сожалеательно, что Великие Князья окружены такими людьми, кои не заслуживают доверия и вовлекают их в поступки, за которые их не терпят (в сборнике РИО после слова «доверия» многоточие. — П. Г.), желательно бы им открыть глаза, мне кажется, Великий Князь Михаил Павлович был всегда к вам хорошо расположен, почему бы вам не поговорить о сем и не предостеречь, ежели не так себя ведет, как следует» (в сборнике РИО после слова «предостеречь» многоточие. — П. Г.)⁹.

Некоторые купюры, по-видимому, были обусловлены соображениями благопристойности. Так, в письме от 7 января 1826 г. Волконский назвал своего давнего недруга Аракчеева «извергом» и «мерзавцем». Слово «изверг» напечатали, на месте «мерзавца» — многоточие¹⁰.

Исходя из вышеизложенного, в тех случаях, когда письмо было полностью опубликовано Н. Ф. Дубровиным, мы будем в дальнейшем ссылаться на «Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского», а там, где опубликовано с пропусками, — давать двойную ссылку (и на РГИА, и на сборник РИО). Ссылки на неопубликованные письма даются согласно общим правилам цитирования архивных документов.

По своему характеру переписка П. М. Волконского и А. А. Закревского может быть в целом отнесена к личной переписке, при этом, однако, практически в каждом письме затрагиваются те или иные служебные вопросы. Некоторые небольшие записки (впрочем, их процент от общего массива писем невелик) носят исключительно деловой характер, но даже они лишены какого-либо официального, делопроизводственного оформления и были написаны не от чиновника к чиновнику, а от одного знакомого к другому.

Переписка Волконского и Закревского велась в течение нескольких десятилетий. Если первое письмо (П. М. Волконского А. А. Закревскому) датировано 15 июля 1815 г.¹¹, то последнее (черновик ответа Закревского Волконскому) было написано 9 июля 1852 г.¹², т. е. менее чем за два месяца до смерти П. М. Волконского. Подавляющая часть переписки (220 писем из 251) относится к периоду 1816–1826 гг.

По своему содержанию переписка представляет интерес для широкого круга исследователей. Почти во всех письмах за 1816–1823 гг. (т. е. написанных до ухода Волконского с поста начальника Главного штаба, а Закревского — с поста дежурного генерала) встречаются сведения,

⁹ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 103. Л. 19–19 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 30.

¹⁰ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 71 ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 98.

¹¹ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 1.

¹² РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 126–127.

относящиеся к организации и управлению русской армией в период, наступивший после наполеоновских войн. Особняком стоит значительный корпус писем, связанных с «Семеновской историей» 1820 г. Они неоднократно использовались исследователями в трудах, посвященных этому эпизоду российской истории. Автор одной из последних и наиболее полных работ В. В. Лапин, изучив данную переписку, пришел к выводу, что П. М. Волконский и А. А. Закревский обнаружили «наибольшее умение в ведении следствия и лучшее понимание происходящего»¹³.

Одним из наиболее интересных документов этого («семеновского») цикла — письмо А. А. Закревского П. М. Волконскому от 26 ноября 1820 г. Автор письма, принадлежавший к узкому кругу наиболее высокопоставленных военных Российской империи, обнаружил значительную степень свободомыслия в ряде болезненных для верховной власти вопросов. Утверждая, что «сформирование вновь Семеновского полка Великому Князю (Михаилу Павловичу. — П. Г.) поручать не следует, потому что он по молодости, неопытности и по внушениям, делаемым ему, кажется, окружающими его ветреными молодыми людьми, вовсе к сему не способен», Закревский прибавлял: «Притом же не могу скрыть от Вас, что оба Великие Князья здесь вообще, как я слышу, не любимы. Причины оного не умею Вам сказать, а полагаю ту же неопытность и неумение обращаться с их подчиненными прилично их званию; особенно же их доверие к людям, которые сего не заслуживают, и которые делают им более вреда своими советами, нежели пользы». Интересный аргумент Арсений Андреевич приволил, советуя своему корреспонденту ознакомиться с обнаруженной властями революционной прокламацией, адресованной солдатам Преображенского полка: «...скажу Вам, что она дошла до Вас не в том виде, в каком была найдена; ибо подлинная была наполнена разными мерзкими ругательствами насчет лица Государя, которые все вымараны, а потому полагаю теперь Вам нужно оную вытребовать оригинальную, ибо она писана, как полагаю, человеком дерзким, не любящим своего Отечества, возмутительным, но умным»¹⁴.

В итоге письмо получилось настолько «крамольным», что Н. Ф. Дубровин отказался от его публикации, несмотря на очевидную историческую ценность данного документа.

Ряд писем касается дипломатической истории Европы в эпоху Священного союза — П. М. Волконский, сопровождавший императора на всех конгрессах Союза (Аахенском, Троппау-Лайбахском и Веронском), регулярно сообщал Закревскому о ходе переговоров и настроениях европейских монархов. Особый интерес представляют письма с Троппау-

¹³ Лапин В. В. Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 188.

¹⁴ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 95. Л. 42–42 об., 43 об. Об этой прокламации см.: Лапин В. В. Семеновская история ... С. 149–178.

Лайбахского конгресса (осень 1820 – весна 1821 г.), пришедшегося на период подъема революционной волны в Европе. В послании от 30 января 1821 г. Волконский, сообщая своему confidentу об устроенном кем-то взрыве во дворце французского короля, резюмировал: «В Испании дела также идут ужасно плохо, одним словом, мы живем в таком веке, что каждый день должно ожидать чего чрезвычайного»¹⁵. В письме, написанном через неделю (6 февраля), князь признавался, что и «дела неаполитанские идут не очень хорошо, они хотят защищаться, что и произведет войну, за успех которой отвечать не всегда можно, хотя австрийцев и много и должно надеяться, что они побьют неаполитанцев»¹⁶. 3 марта того же года Волконский написал Закревскому, что после восстания в Турине император Александр принял решение сформировать и направить для подавления итальянской революции русскую армию, во главе которой было решено поставить А. П. Ермолова¹⁷. Князь просил хранить данные сведения в секрете и был совершенно прав: как известно, намеченный поход в Италию так и не состоялся, а Ермолов, прибывший по приказу государя 26 апреля 1821 г. в Лайбах, вынужден был почти сразу же отправиться в обратный путь¹⁸.

Во многих письмах Волконский и Закревский довольно откровенно обсуждали те или иные вопросы внутренней политики Российской империи. Одной из самых острых тем было засилье иностранцев (преимущественно немцев) при дворе и в армии в конце правления Александра I (широко известна легендарная фраза А. П. Ермолова, сказанная им царю после битвы под Кульмом: «Произведите меня в немцы, государь!»¹⁹). Острую антинемецкую направленность носят письма А. А. Закревского 1823–1824 гг., когда в ходе сложной придворной интриги П. М. Волконский был сначала временно, а потом и окончательно смещен на посту начальника Главного штаба И. И. Дибичем (как известно, выходящем из Германии). Призывая своего друга и бывшего начальника, находившегося в отпуске в Париже, вернуться в страну и продолжить борьбу за свое место, Закревский писал 24 ноября 1823 г.: «Оживите приездом Вашим осиротевшее Дежурство и не отдавайте его на съедение немцам; докажите чрез то соотечественникам, что Вы всему предпочитаете матушку Россию и более всего желаете добра русским»²⁰. В его следующем письме (от 4 декабря 1823 г.) националистические идеи звучат еще более громко:

¹⁵ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 54–55.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Федоров В. А. А. П. Ермолов и его «Записки» // Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 9.

²⁰ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 172.

«...отказ Ваш от возвращения истребит все доброе, Вами с такими трудами заведенное, и предаст все на съедение немцам, не любящим ничего служащего к пользе нашей матушке России. Чтоб любить Россию, надобно иметь чувства настоящего русского, и для сего родиться русским. Пришлецы же сего возвышенного чувства любви к Отечеству иметь не могут»²¹. Говоря о том, что ему удалось выхлопотать награды для чиновников Главного штаба, Закревский отмечал: «Притом же хотя они служат с тем же усердием и теперь, но, не умея забегать сторонними дорогами, едва ли бы удостоились награды от немцев» (письмо от 14 декабря 1823 г.)²². Примечательно, что в ответных письмах Волконского национальный вопрос не затрагивался²³, хотя антинемецкие настроения и ему не были чужды²⁴.

Большой интерес представляют письма, в которых П. М. Волконский и А. А. Закревский касались масонской темы. 3 декабря 1820 г. Закревский написал о генерал-майоре фон Визине, «который по расстроенному здоровью своему не может более продолжать военной службы и желает быть определенным в Губернаторы». Закревский предлагал «сходно его желанию поместить его в Смоленск, где с давнего времени не отлично управляет Губерниєю Барон Аш, чему я был очевидным свидетелем при начатии компании 1812-го года, и который, кажется, наконец и сам желает оставить свою должность»²⁵. Волконский в ответном письме от 21 декабря сообщил, что докладывал о фон Визине императору и тот «изволил отозваться, что полагает его весьма способным к сей должности, но вместе с тем объявил мне, что он известен за весьма большого массона, о чем и сожалеет, и поручает Вам иметь во время пребывания его в С. Петербурге особенный за ним надзор»²⁶. В письме от 7 января 1821 г. Закревский оправдывался: «О фон Визине писал я к Вам только как о военном Генерале, дабы Вы знали о намерении его на случай, если Государь, получа представление от Графа Кочубея, которому фон Визин объявил свое желание, спросит Вас о сем Генерале. Что он масон я этого вовсе не знал; людей сего рода я сам не жалею»²⁷.

²¹ Там же. С. 173.

²² Там же. С. 176.

²³ См.: Там же. С. 79–85; РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 20–21 об.

²⁴ Так, в письме от 21 декабря 1820 г., рассказывая, как во время поездки из Тропшау в Лайбах при въезде в Вену немецкий кучер чуть было не опрокинул коляску с Александром I, Волконский жаловался: «Не знаю, что делать с немцами, так глупы, что способу нет, как хочешь им толкуй, ничего не понимают, и думают, что везя Российского Императора надобно скакать сломя голову...» (Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 34).

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Там же. С. 132.

Три недели спустя Волконский, анализируя неутешительные для монархов и монархистов сведения, стекавшиеся в Лайбах со всех концов Европы, резюмировал: «Секретные общества Иллюминатов ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, им ничего нет невозможного и ничего у них нет святого, только и мыслят уничтожение всех властей и произведение общих беспокойств. Число их так велико, что и у нас очень много, и даже в войске, и в разных должностях, почему и нужно обращать все возможное внимание к открытию таковых извергов для удаления их» (письмо от 30 января 1821 г.)²⁸. Закревский в ответном письме (от 18 февраля), говоря о «вредных толках» в высших классах общества, обещал: «Не смею решительно сказать, суть ли они и у нас действием неблагонамеренных секретных обществ, подобно как и в других Государствах, или только пустое болтанье праздных и легковверных, но то верно, что если б кто либо замечен был мною по моему ведомству принадлежащим к какому либо из подобных обществ, то не ожидая разрешения я принял бы на счет его такие меры, какие только по нынешним обстоятельствам могут быть приличны»²⁹.

Отразилась в переписке и затянувшаяся на много месяцев поездка императорской четы Александра I и Елизаветы Алексеевны в Таганрог, ставшая для обоих роковой. Князь П. М. Волконский, бывший при императоре неотлучно, писал Закревскому 21 ноября 1825 г.: «Ужаснейшее бедствие, нас всех постигшее, любезный друг Арсений Андреевич, отнимает у меня силы к изъяснению скорби и сокрушения мною ощущаемых. 19 ноября поутру в 10 часов и 50 минут поражены мы были жестоким ударом по случаю кончины обожаемого монарха нашего Государя Александра Павловича после 13-ти дневной желчной и потом обратившейся в нервическую горячку. Никому столь не было известно, любезный друг, как Вам, преданность, привязанность, и даже, смею сказать, дружество мое с ним, легко можете себе представить в каком положении я нахожусь»³⁰. Последующие письма рисуют безрадостную картину пребывания в Таганроге императрицы Елизаветы Алексеевны и ее спутников. «По счастью, что жена с дочерью сюда приехали, — писал князь своему другу 7 января, — без них, я думаю, что я бы сошел с ума с печали и тоски. Мы живем совершенно как в деревне. По вечерам приходит к нам Лонгинов³¹ вместе горовать»³².

²⁸ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 43.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Там же. С. 95.

³¹ Имеется в виду Н. М. Лонгинов (1780–1853), в указанное время — секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиогр. справ. СПб., 2006. С. 460–463).

³² Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 97.

Как уже отмечалось, объем сохранившейся переписки за период 1826–1852 гг. невелик. Определенный интерес для историка представляют письма июня 1848 – июля 1849 г. (восемь писем), в которых упоминаются события европейской революции и венгерского похода русской армии; о последней кампании Волконский выразился (20 августа 1849 г.) предельно емко и лаконично: «Благодаря Бога дела наши кончились славно и как нельзя было ожидать. Велик Российский Бог, а Князь Варшавский³³ счастлив»³⁴.

Особо ценную часть переписки составляют упоминания отдельных поступков, высказываний, фактов из жизни выдающихся современников Волконского и Закревского, в большом числе сохранившиеся на страницах их писем друг к другу. В первую очередь, это были представители круга близких друзей обоих корреспондентов, состоявшего почти исключительно из военных³⁵: А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, П. Д. Киселев и др. Волконский и Закревский оповещали друг друга не только о служебных делах, но и о событиях частной жизни данных лиц, пересказывали содержание их писем. Иным (нейтральным) было отношение Волконского и Закревского к большинству своих сослуживцев — например, к И. В. Васильчикову и А. Х. Бенкендорфу. Наконец, третью группу составляют политические враги участников рассматриваемой переписки: А. А. Аракчеев, И. И. Дибич и др.

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере трех персон, каждая из которых по-своему знаковая.

Имя Алексея Петровича Ермолова появляется на страницах переписки едва ли не чаще других, причем масштаб личности покорителя Кавказа был вполне ясен его друзьям. Так, 24 декабря 1820 г., препровождая П. М. Волконскому письмо Ермолова с просьбой о переводе его двоюродного брата в гвардию, А. А. Закревский отмечал: «Удовлетворением таковой просьбы вы его утешите; оскорбление же сего человека вредно для службы, тем более что Государь редко отказывает в сей милости людям, не могущим идти в сравнение с Ермоловым»³⁶. Отношение к Ермолову (в переписке часто фигурирующему под именем «брата Алексея») осталось неизменным и спустя десятилетия: в большинстве сохранившихся писем Волконского Закревскому конца 1840-х гг. есть фраза: «Алексею Петровичу мое искреннее почтение»³⁷.

Особый интерес представляют упоминания в переписке личности А. А. Аракчеева. Еще в дореволюционной литературе указывалось, что

³³ Имеется в виду И. Ф. Паскевич-Эриванский, князь Варшавский.

³⁴ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 104.

³⁵ Исключение составлял, пожалуй, лишь К. Я. Булгаков — московский, а с 1819 г. петербургский почт-директор.

³⁶ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 128.

³⁷ Там же. С. 100–102, 104, 106.

«Князь Петр Михайлович (Волконский. — П. Г.) питал особое нерасположение к Аракчееву»³⁸. Тем не менее в конце 1810-х – начале 1820-х гг. упоминания об Аракчееве носят нейтральный или положительный характер (см. письма П. М. Волконского А. А. Закревскому от 19 июня 1817 г.³⁹, 30 октября 1818 г.⁴⁰, 6 сентября 1819 г.⁴¹, 12 января 1820 г.⁴² и др.). Лишь начиная с 1823 г., когда в ходе сложной интриги (затейной Аракчеевым) Волконский лишился поста начальника Главного штаба, могущественный директор департамента военных поселений начал фигурировать в переписке Волконского и Закревского под именем «Змей» (см. письмо А. А. Закревского П. М. Волконскому от 14 декабря 1823 г.⁴³ и др.).

Неоднократно упоминается на страницах рассматриваемой переписки некое лицо, получившее от Волконского и Закревского ироническое прозвище «Кривляка». Н. Ф. Дубровин предположил, что «Кривлякой» мог быть знаменитый министр иностранных дел К. В. Нессельроде; по крайней мере, при первом упоминании этого прозвища в опубликованных им письмах историк поставил рядом в скобках фамилию «Нессельроде» и знак вопроса⁴⁴. Такое предположение основывалось, видимо, на том, что «Кривляка» не раз упоминался Волконским в числе присутствовавших вместе с императором Александром I на конгрессах Священного союза, а Закревский в письме от 24 ноября 1823 г. сообщал своему другу: «Назначение Кривляки в министерство иностранных дел, вероятно, произвело также не малое в вас удивление...»⁴⁵

Тем не менее говорить о тождестве «Кривляки» и К. В. Нессельроде нельзя. Во-первых, Нессельроде, как известно, управлял министерством иностранных дел еще с 1814 г.; во-вторых, строка из письма Волконского Закревскому от 21 августа 1819 г.: «Наденось, Кривляка в Петербурге, я думаю привез из деревни кучу денег, пожалуйста посмотрите, чтоб не промотался, а только можно позволить ему переменить мерзкой затрапезной диван подле кабинета его в канцелярии и даже мебель и в гостиной» — явно указывает на подчиненное положение «Кривляки» по отношению к автору письма, чего в случае с Нессельроде быть не могло⁴⁶.

³⁸ Биографический очерк генерал-фельдмаршала светлейшего князя П. М. Волконского. СПб., 1914. С. 128.

³⁹ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 27.

⁴⁰ Там же. Л. 56.

⁴¹ Там же. Л. 71.

⁴² Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 12–13.

⁴³ Там же. С. 176.

⁴⁴ Там же. С. 2.

⁴⁵ Там же. С. 171.

⁴⁶ Там же. С. 9.

Наконец, в письме от 15 марта 1818 г. Волконский сообщает: «Вчера на меня надели Белого орла, а на Кривляку и на гр. Потоцкого Св. Станислава»⁴⁷. Однако К. В. Нессельроде в указанное время подобной награды не получал⁴⁸.

Разгадка содержится в одном из писем, не вошедших в публикацию, осуществленную Н. Ф. Дубровиным. 14 (или 19, дата написана неразборчиво) июня 1817 г. Волконский писал своему другу: «Я отправил отсюда в 6 часов ровно фельдъегеря к Кн. Меншикову за орденами для принца, но и по сие время не имею их, а уже 10 часов. Государь два раза уже спрашивал, прошу приказать справиться от чего сие случилось. Видно Кривляка на гульбе»⁴⁹. Таким образом, речь идет о князе Александре Сергеевиче Меншикове (1787–1869), который в 1816–1823 гг. служил в Главном штабе (начальником коего был в это время П. М. Волконский — чем и объясняется ироничное замечание последнего о «затрапезном диване подле кабинета в канцелярии»), а 14 марта 1818 г. был награжден орденом Св. Станислава 1 ст.⁵⁰

Правнук петровского фаворита и генералиссимуса для Волконского и Закревского был объектом самых разнообразных насмешек. «Теперь подивитесь новому чуду, — писал П. М. Волконский своему другу 4 декабря 1820 г., — Кривляка вчера дал здесь бал и очень хороший; не знаю, что с ним сделалось? Доказательство вам, что видно скучно, коли он решился делать такие расходы. Для освещения залы, ежели так комнату назвать можно, купил он за несколько гульденов дощечек с жестяными подсвечниками, служившими на похоронах нашего домохозяина, который недавно умер, а чтобы их не узнали, то Кривляка купил в аптеке серебряной бумажки и ею оклеил дощечки, прибавив гвоздиками мишурную серебряную бахрому для большего украшения. Для питья дамам взял из аптеки лимонного хрустала, из коего сделал лимонаду и беспрестанно оным потчевал. Бал был превеселый, только под конец, говорят, ужасно воняло потом, потому что здешние дамы не очень чистоплотны и видно худо моются»⁵¹. В другом письме (из Варшавы, от 12 марта 1818 г.) Волконский сообщал: «Кривляка боюсь промотается; в здешнюю Страстную неделю ходит со мною по церквам, и по здешнему обыкновению давать дамам, собирающим для нищих, раздал червонца два с половиною,

⁴⁷ Там же. С. 2.

⁴⁸ См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи ... С. 457.

⁴⁹ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 26.

⁵⁰ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи ... С. 408–409. У Д. Н. Шилова дата награждения орденом — 14 марта 1817 г.; думается, что это ошибка (допущенная, возможно, при составлении формулярного списка А. С. Меншикова).

⁵¹ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 29.

да на все время пребывания нанял красавицу червонцев за 60, за то уже и пользуется, лишь бы после не поплатился лекарю»⁵².

Таким образом, переписка П. М. Волконского и А. А. Закревского содержит немало важных и просто любопытных исторических сведений о событиях и людях александровской и (в меньшей степени) николаевской эпох. Помимо этого она является бесценным источником для биографии самих ее авторов, принадлежавших к числу замечательных людей своего времени.

Их дружба, длившаяся несколько десятилетий, лишь несколько раз омрачалась конфликтами; так, например, в письмах от 22 апреля 1821 г. и 2 января 1823 г. Закревский высказывал своему корреспонденту обиду на то, что тот, представляя императору различных чиновников к награждению, обошел подчиненных Арсения Андреевича⁵³. Впрочем, подобные случаи в многолетних приятельских отношениях Волконского и Закревского были крайне редки. Гораздо более характерны для них следующие короткие, но душевные письма-записки:

«Я так давно не имел удовольствия видеть Вас, любезнейший друг Граф Арсений Андреевич, по случаю моих беспрестанных переездов; желаю знать о Вашем здоровье, и дочери Вашей; а вместе с тем, прошу сделать мне удовольствие приехать завтра ко мне обедать, если Вы никуда не отозваны.

Весь Ваш Кн. П. Волконский» (П. М. Волконский — А. А. Закревскому, 23 ноября 1847 г.)⁵⁴.

«Мне грустно, любезнейший друг, Граф Арсений Андреевич, что мы так редко видимся, я боюсь, чтоб Вы скоро не уехали.

Если можете сделать мне удовольствие, то приезжайте ко мне завтра обедать буде не отозваны в другое место.

Весь Ваш Кн. Петр Волконский» (П. М. Волконский — А. А. Закревскому, 12 декабря 1849 г.)⁵⁵.

SUMMARY

The article is devoted to private correspondence of two eminent statesmen of the Russian Empire, the first half of 19th century — P. M. Volkonsky and A. A. Zakrevsky. Provides the first analysis of the source study correspondence P. M. Volkonsky and A. A. Zakrevsky, highlights the main themes of correspondence that relate to the political and military history of Russia

⁵² РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 102. Л. 37 об.—38.

⁵³ Там же. Д. 95. Л. 127–128 об. ; Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 168–169.

⁵⁴ РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 104. Л. 89.

⁵⁵ Там же. Л. 108.

(the history of the General Staff, «Semenovskaya story» in 1820, the national question, the history of Russian Freemasonry), the diplomatic history of Europe (Congresses of the Holy Alliance). Subjected to critical analysis of the published letters, carried out at the end of 19th century by N. F. Dubrovin.

The present article may be of interest to specialists in the history of Russia in the first half of the 19th century — the reign of Alexander I and Nicholas I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Частная переписка, источниковедение, Российская империя, эпоха Александра I, эпоха Николая I, П. М. Волконский, А. А. Закревский.

KEY WORDS

Private correspondence, a source study, the Russian Empire, the epoch of Alexander I, the epoch of Nicholas I, P. M. Volkonsky, A. A. Zakrevsky.